

Миграции населения СССР в предвоенные годы (1939–1940)

Владимир А. Исупов¹, Наталья В. Чернышева²

¹ *Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, г.Пушкин, 196605, Россия*

² *Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, 119333, Россия*

Получено 31 January 2022 ♦ Принято в печать 21 April 2022 ♦ Опубликовано 2 August 2022

Цитирование: Isupov VA, Chernysheva NV (2022) Migration of the USSR population in the pre-war years (1939–1940). Population and Economics 6(2): 70–87. <https://doi.org/10.3897/pop econ.6.e81466>

Аннотация

Статья посвящена изучению миграции населения СССР в предвоенные годы (1939–1940 гг.). Авторы анализируют не только численность мигрантов и направление миграционных потоков, но демонстрируют нарастание контрольных функций государства в области территориальных перемещений населения. На основе анализа широкого круга исторических источников, многие из которых впервые вводятся в научный оборот, авторы разработали оригинальную классификацию предвоенной миграции.

Рассматривается вопрос о численности населения СССР в предвоенные годы, определяются ее компоненты, одним из которых являются миграции населения. В статье делается вывод о взаимосвязи социально-экономических причин миграции с политическими (главным образом внешнеполитическими). Для предвоенной миграции также характерен скрытый характер, сочетание плановых и стихийных перемещений со стремлением государства взять последние под контроль. Продолжена практика принудительных перемещений населения, в том числе с территорий, присоединенных к СССР в изучаемый период.

Важной составной частью миграционного движения населения СССР были воинские мобилизации, принудительные депортации крупных людских контингентов, оргнабор рабочей силы, сельскохозяйственное переселение. Вместе с тем в СССР значительную роль в формировании миграционных потоков играли стихийные переселения, не охваченные государственным контролем.

Ключевые слова

военные мобилизации, население СССР, организованный набор рабочей силы, плановые передвижения населения, принудительные миграции, стихийные миграции

Коды JEL: N94, O15, R23

Введение

В предвоенные годы в СССР сложилась весьма своеобразная обстановка, в которой ведущую роль (если говорить о миграции) играло стремление государства включить территориальные перемещения населения в жесткие плановые рамки. В этом нашла отражение рефлексия властных структур на вышедшие из-под контроля стихийные перемещения населения в годы коллективизации и голода начала 1930-х гг. Сотни тысяч крестьян, гонимые голодом и коллективизацией, хаотично передвигались по стране в поисках лучшей жизни [Nove, 1969; Население России в XX веке, 2000; Голотик, Минаев, 2004; Миграции населения Азиатской России..., 2011]. Именно в эти годы в СССР упрочилась идея, что при социализме развитие населения в целом и миграции в частности должны носить исключительно регулируемый, плановый характер. К концу 1930-х – началу 1940-х гг. совместными усилиями всех государственных институтов контроль над миграцией если и не был полным, то во всяком случае стал значимым феноменом советской действительности.

В предвоенные годы в СССР господствовала марксистская теория народонаселения, согласно которой единых и вечных законов населения не существует. Каждая отдельная историческая эпоха имеет свой закон населения [Машинописные копии..., 1939: 10]. Социалистический закон народонаселения постулировал, что при социализме так называемое «механическое движение населения» будет носить исключительно плановый, организованный характер [РГАЭ. Ф-1562. Оп. 20. Д. 180. Л. 59–60]. С начала 1930-х гг. термин «миграция населения» фактически не использовался ни в научных трудах, ни при учете подвижности населения. Его заменил термин «территориальное перераспределение населения» [Моисеенко, 2004: 79].

Миграция населения рассматривается нами как сложное общественное явление, затрагивающее практически все стороны человеческой жизни. Под миграцией следует понимать весь процесс перемещения населения, а не только его результаты [Переведенцев, 1985: 51]. Кроме того, мы придерживаемся классического определения миграции, согласно которому последние являют собой «перемещения людей через границы тех или иных территорий с переменной места жительства навсегда или на более, или менее длительное время» [Демографический энциклопедический..., 1985: 251]. Этой точки зрения придерживается и российский исследователь Л.Л. Рыбаковский [Рыбаковский, 2017: 47].

До конца 1980-х гг. исследования демографической истории советского периода были ограничены в силу закрытости данных о населении. И только в конце 1980-х – начале 1990-х гг. ситуация изменилась, что позволило использовать более полные сведения статистики населения. В данном исследовании используется комплекс источников, которые можно разделить по виду на нормативно-правовые акты высших партийных и государственных органов власти и управления (законодательные акты Советского государства и подзаконные акты), делопроизводственную документацию (организационные и распорядительные документы, протоколы, текущая переписка, плановая отчетность и пр.), статистические документы (сведения Всесоюзной переписи населения 1939 г., материалы текущего учета населения, ведомственная статистика), периодическую печать (газеты Правда, Труд, Известия, Комсомольская правда).

В силу специфики статьи остановимся подробнее на анализе статистических документов, часть которых является неопубликованной и хранится в фондах Российского государственного архива экономики (Центральное статистическое управление при Совете Министров СССР (Ф-1562) и Учреждения по руководству переселением в СССР (Ф-5675)). Проблемы учета и статистики населения СССР 1930-х гг. носили организованный, процессуальный и идеологический характер [Исупов, 2020: 172–192]. Понимание данной специфики учитывалось авторами в ходе работы со статистическими источниками. Исследователи использовали данные Всесоюзной переписи населения 1939 г. о численности населения СССР и отдельных союзных республик

(с учетом приписок) [Всесоюзная перепись населения 1939 года..., 1992; Всесоюзная перепись населения 1939 года..., 1999; Население России в XX веке, 2000: 356–361], а также исчисленные сведения о численности населения на начало года. Отметим также, что в программу Всесоюзной переписи населения 1939 г. не был включен вопрос о миграции в силу планового характера всех перемещений, следовательно, отсутствия практической значимости данных сведений.

Основной пласт статистических документов представлен сведениями текущего учета, позволяющие определить данные о количестве прибывших и выбывших, географии миграции, половозрастном составе мигрантов. Введенный в первой половине 1930-х гг. учет механического движения населения на основе прописки-выписки паспортов имел ряд недостатков: неточность инструкционных указаний, высокий процент недоучета выбывающих, наконец, их практическое использование плановыми органами [Вейцблит, 1936: 24].

Учет перемещаемого населения осуществлялся на паспортизированных территориях. Это были главным образом города (преимущественно крупные) и приграничные районы. Крестьянам паспорта не выдавались. Таким образом значительная часть населения не попадала в сферу паспортного учета. Так, в 1937 г. было паспортизировано около 40% населения СССР. С августа 1937 г., устанавливалось, что основным прописочным, учетным и справочным документом является листок прибытия, который заполнялся при перепрописке всего населения и на каждого прибывающего в данный населенный пункт гражданина. С 1 января 1939 г. вводилась новая форма адресных листков, предусматривавшая в некоторых ситуациях (туристы, дачники и пр.) временную прописку на адресных листах без отрывных талонов [Попов, 1995: 12]. В 1940 г. постановлением Совнаркома СССР № 1667 от 10 сентября начинает осуществляться новое положение о паспортах и новая инструкция НКВД СССР по его применению [Постановление СНК СССР..., 1940]. Новое положение расширяло территорию, на которую распространялась паспортизация за счет районных центров и населенных пунктов, где были расположены МТС.

Основными формами текущего учета миграции являлись форма 1 «Сведения о передвижении населения по месту откуда прибыли и куда выбыли» и форма 2 «Сведения о передвижении населения по полу и возрасту». Форма 1 заполнялась по союзным республикам, АССР, краям и областям, в разрезе городских поселений и индивидуально выделенным городам и содержала сведения о миграции городского населения и населения сельских паспортизированных пунктов с указанием числа прибывших и выбывших и механического прироста (из / в города (-а), из / в сельских (-ие) местностей (-и), неизвестно, всего). Форма 2 содержала сведения о прибывших и выбывших в разрезе областей, краев и автономных республик по полу и возрасту (с разбивкой на года до 24 лет и пятилетние возрастные группы с 25 до 59 лет (выделяя трудоспособных лиц), лиц 60 лет и старше и лиц неизвестного возраста). В форме также указывалось место прибытия: «из / городов (-а)», «из / в сельской (-ую) местности (-ь)», «неизвестно», «всего». В 1940 г. ЦУНХУ Госплана СССР утвердил также «Карту учета передвижения населения» и форму А (областная и республиканская) «Сведения о передвижении населения, зарегистрированного в городских и прочих паспортизированных пунктах», систематизировав работу по сбору сведений на местах [РГАЭ. Ф-1562. Оп. 20. Д. 314. Л. 18–18 об]. Руководствуясь вышеизложенным, авторы отмечают, что несмотря на высокий процент охвата учета городских населенных пунктов и населения (в 1939 г. 97,0% и 99,7% соответственно), проживающего в них, данные форм текущего учета миграции содержат далеко не полную информацию о его передвижении [РГАЭ. Ф-1562. Оп. 20. Д. 171. Л. 32].

В статье использовались также статистические сведения о миграции, содержащиеся в отчетности ведомственных учреждений (например, Комиссии по организованному набору рабочей силы, Переселенческого управления при СНК СССР).

Сегодня, когда многие табу идеологического характера сняты, исследователи большое внимание уделяют изучению насильственных депортаций [Бугай, 1995; Земсков, 2005; Полян,

2001]. Это вполне понятно – принудительные миграции, долгое время пребывавшие даже не на периферии исследований, а под полным запретом, получили широкое распространение в сталинском СССР. Они сыграли огромную роль в экономическом, социокультурном и демографическом развитии страны и ее отдельных регионов. Но итогом увлечения историков депортационной тематикой стало формирование в современной историографии заметного проблемного перекаса. Вследствие этого возникло и широко распространилось упрощенное суждение, что главной разновидностью миграции в Советском Союзе в предвоенные годы были насильственные территориальные перемещения крупных людских контингентов [Исупов, 2009: 66–92]. С тех пор ситуация мало изменилась. Это обедняет современные представления о таком непростом феномене советской демографической истории, как миграции. Вместе с тем, недостаточно изученными оказались все остальные виды миграции.

В свете этого чрезвычайно важно поставить вопрос о типичных для предвоенных лет разновидностях миграций. В одной из своих статей, опубликованной в 2016 г. [Исупов, 2016] мы, опираясь на исследование польского ученого А. Марианьского [Марианьский, 1969], представили детальную классификацию миграций. Соответственно нет необходимости возвращаться к этому вопросу еще раз, тем более что наша позиция не изменилась.

Итак, миграции мы разделяем на две большие группы: политические и экономические.

К политическим миграциям мы относим:

- Добровольно-вынужденные миграции. Их подвидом являются мобилизационные воинские территориальные перемещения населения.
- Принудительные миграции, под которыми понимаются собственно насильственные депортации социальных и этнических групп. К этому же подвиду миграций относятся перемещения заключенных.

Экономические миграции включают:

- Стихийные трудовые миграции, главным образом из сельской местности в города. В значительно меньших масштабах осуществлялись перемещения населения в обратном направлении из городов в сельскую местность. Отметим, что стихийные трудовые миграции обеспечили форсированную урбанизацию СССР.
- Плановые передвижения населения: сельскохозяйственные переселения; перемещения людских контингентов на пустующие территории, образовавшиеся после этнических чисток; возвращение некоторых этнических групп в места первоначального жительства [Исупов, 2016: 13]. Отметим, что экономические миграции так же, как и все другие виды миграций несли в себе мощный политический заряд.

Итак, чрезвычайно важно выявить соотношение, сложившееся между различными типами миграций. В этом, собственно, заключается одна из основных целей статьи.

Численность населения СССР в 1939–1940 гг. и ее компоненты

В изучаемый период численность населения СССР была подвержена различным колебаниям. Подробно о данной исследовательской проблеме пишут в своей статье В.Б. Жиромская, В.А. Исупов, Г.Е. Корнилов, обобщая и анализируя имеющиеся сведения ведущих специалистов в области демографии и исторической демографии [Жиромская и др., 2019: 3–17].

С января 1939 г. по июнь 1941 г. численность населения СССР увеличилась на 14,8–15,0% (с учетом потерь в вооруженных конфликтах), т.е. на 29–30 млн чел. [Население России в XX веке, 2002: 13]. По данным переписи 1939 г. численность населения СССР составляла 170,5 млн чел. [Всесоюзная перепись населения 1939 г. ..., 1992: 20]. По данным исчисле-

ний ЦУНХУ Госплана СССР на 1 января 1940 г. численность населения СССР составляла 186,2 млн чел. (с западными областями) и 173,4 тыс. чел. (без западных областей) и на 1 января 1941 г. 198,6 млн чел. [РГАЭ. Ф-1562. Оп. 329. Д. 391. Л. 27–28; Там же. Оп. 20. Д. 195. Л. 6–7]. Население БССР и УССР за счет присоединенных территорий увеличилось более чем на треть.

Таблица 1. Численность населения союзных республик в 1939–1940 гг. (сведения на начало года), млн чел.

Союзные республики	1939 г.	1940 г.
Азербайджанская ССР	3,2	3,2
Армянская ССР	1,2	1,3
Белорусская ССР	6,6	9,0
Грузинская ССР	3,6	3,6
Казахская ССР	6,1	6,0
Киргизская ССР	1,4	1,5
РСФСР	109,4	110,0
Таджикская ССР	1,4	1,5
Туркменская ССР	1,2	1,3
Украинская ССР	31,0	41,3
Узбекская ССР	6,2	6,6

Источники: [Всесоюзная перепись населения 1939 г. ..., 1992: 21; Население России в XX веке, 2002: 16]

Три компонента определяли изменение численности населения СССР в предвоенные годы: административно-территориальные преобразования, естественное движение населения и миграции населения.

Административно-территориальные преобразования способствовали изменению численности населения СССР как за счет присоединенных территорий, так и за счет внутренних преобразований. В 1939–1940 гг. в состав СССР включены Бессарабия и Северная Буковина, Западная Украина, Западная Белоруссия, Латвия, Литва, Эстония, а также территории, отторгнутые в ходе советско-финской войны. Оценки численности населения территорий, вошедших в состав СССР в 1939–1940 гг. вплоть до 1959 г. определялись по расчетам статистических управлений. Эти расчеты носили условный характер, так как переписей в этих районах в годы, близкие 1939 г. не было. Не вдаваясь в подробное рассмотрение данного вопроса, отметим, что исследователи склоняются к оценке численности населения данных территорий в пределах 20–22 млн чел. [Кожурин, 1991: 21–26; Андреев и др., 1993: 51–52; Население России в XX веке, 2002: 8]. На период 1930–1939 гг. приходится первая фаза второй советской реформы административно-территориального деления, характерной чертой которой стало разукрупнение ячеек [Тархов, 2019: 19]. К 1939 г. завершилось раздробление всех больших областей и краев, которые были образованы в 1925–1929 гг.

В итоге территория СССР в новых границах составляла 22,0 млн кв. км и включала в себя 16 союзных республик [РГАЭ. Ф-1562. Оп. 20. Д. 187. Л. 2]. На присоединенных территориях осуществлялся переход к советской системе административно-территориального деления. С марта 1939 г. по июнь 1941 г. произошли следующие изменения в административной сетке низового уровня (таблица 2).

Таблица 2. Основные изменения административно-территориального деления СССР

Тер. Ед.	На 1 марта 1939 г.	На 1 января 1940 г.	На 1 июня 1941 г.
Районы	3507	3897	4038
Города	922	1068	1255
Рабочие поселки и поселки городского типа	1383	1580	1767
Сельсоветы	62849	62007	70076

Источники: [Административно-территориальное деление..., 1939: 4–5; РГАЭ. Ф-1562. Оп. 20. Д. 187. Л. 9, 16]

Оценки естественного движения в СССР за 1939 и 1940 гг. проводились в «новых» границах, т.е. в границах после 17 сентября 1939 г. несмотря на то, что на этих территориях советская система текущей регистрации естественного движения населения не действовала [Андреев и др., 1993: 51]. На основании официальной регистрации числа родившихся и умерших населения СССР за счет естественного прироста в 1939 г. увеличилось на 3293 тыс. чел., в 1940 г. на 2576 тыс. чел. [Андреев и др., 1993: 55].

Реальную миграцию населения СССР в 1939–1940 гг. исходя из выше указанного оценить крайне сложно. Кроме того, миграции населения были разноплановыми, часть из них носило скрытый характер, сельская миграция статиками фактически не учитывалась. По данным ЦУНХУ Госплана СССР сальдо миграции населения в города и городские поселения иного типа 1939 г. составляло +2637 тыс. чел., в 1940 г. +1629 тыс. чел. [РГАЭ. Ф-1562. Оп. 20. Д. 176. Л. 2–2 об.; там же, Д. 230. Л. 2–3 об.].

В целом, в 1939 г. по всему Советскому Союзу имел место миграционный прирост в городских поселениях, за исключением ряда областей Северо-Запада РСФСР и Мордовской АССР и непосредственно г. Ленинграда, а также в ряде областей УССР и Казахской ССР. В силу внешнеполитических причин в 1939 г. в г. Ленинграде зафиксирован отток населения -127,3 тыс. чел. (по сведениям отрывных талонов адресных листов -100,1 тыс. чел.) [РГАЭ. Ф-1562. Оп. 20. Д. 171. Л. 14; там же, Д. 175. Л. 1]. В 1940 г. отрицательное сальдо миграции зафиксировано в так называемых «новых» для Союза социалистических республиках: Карело-Финской ССР, Молдавской ССР, Латвийской ССР, Литовской ССР, Эстонской ССР. За счет мигрантов преимущественно пополнялась численность населения РСФСР, УССР, Казахской ССР и БССР [РГАЭ. Ф-1562. Оп. 20. Д. 230. Л. 2–3 об.].

Основными центрами притяжения мигрантов в предвоенные годы являлись г. Москва и Московская обл. (Центральный район РСФСР), Сталинская и Ворошиловградская области (Украинская ССР), Молотовская, Челябинская, Свердловская обл. (Уральский район РСФСР), Восточно-Казахская, Карагандинская и Акмолинская обл. (Казахская ССР), Самаркандская, Ташкентская и Ферганская обл. (Узбекская ССР) [РГАЭ. Ф-1562. Оп. 20. Д. 171. Л. 13].

Миграционное взаимодействие регионов СССР можно представить в виде неких концентрических кругов: миграции в пределах области, миграции с соседними окружающими данную область территориями, миграции с остальными областями Союза [РГАЭ. Ф-1562. Оп. 20. Д. 171. Л. 16]. Данные табл. 3 позволяют говорить, что приток населения в городскую местность осуществлялся главным образом за счет внутриобластной миграции (50–70%). Исключение составляли крупнейшие города страны (г. Москва, г. Ленинград), Московская и Ленинградская области, где 41,3% перемещений совершалось между областью (городом) и остальными областями Союза. За счет двух примерно равнозначных потоков (внутриобластного и между областью и осталь-

ными областями Союза) наполнялись города и иные городские поселения Донбасса (39%). Следовательно, чем наиболее промышленный характер имела экономика той или иной области, тем больший удельный вес в миграции имели наиболее отдаленные области. Оказывало влияние на миграцию и культурное состояние городских поселений, наличие учебных заведений, административных органов [РГАЭ. Ф-1562. Оп. 20. Д. 171. Л. 18]. Городские поселения в районах с преобладанием сельского населения пополнялись преимущественно за счет последнего и от части соседних областей. Например, Украинская ССР без Донецкого угольного бассейна на 90% пополнила городское население за счет своих областей [РГАЭ. Ф-1562. Оп. 20. Д. 171. Л. 18].

Таблица 3. Распределение мигрирующего населения в зависимости от территориального размещения по наиболее значимым промышленным районам СССР в 1939 г. (в процентах)

Районы	В пределах своей области	Между областью (городом) и окружающими соседними областями	Между областью (городом) и остальными областями Союза
1. Московская и Ленинградская обл., г. Москва и г. Ленинград	23,5	35,2	41,3
2. Донецкий бассейн (Сталинская и Ворошиловградская обл.)	39,1	21,3	39,6
3. Уральский район (Пермская, Челябинская, Свердловская обл.)	53,8	19,8	26,4
4. Центральнo-Черноземный район (Воронежская, Курская, Орловская, Рязанская и Тамбовская обл.)	62,9	15,2	21,9
5. Украинская ССР*	73,0	12,2	14,8
6. Белорусская ССР	76,0	8,0	16,0

* – с Донецким угольным бассейном.

Источник: [РГАЭ. Ф-1562. Оп. 20. Д. 171. Л. 17]

Основными источниками пополнения промышленных районов РСФСР было сельское население Центральной России и Поволжья (Курская, Рязанская, Тамбовская, Орловская, Пензенская области, Мордовская АССР и пр.), Донецкого угольного бассейна – преимущественно Юга РСФСР (Орджоникидзевский и Краснодарский край, Ростовская обл.), а также Союзные республики Закавказья, Украинской ССР – Полтавская, Черниговская, Сумская, Житомирская области и т.д. [РГАЭ. Ф-1562. Оп. 20. Д. 171. Л. 13].

Среди мигрантов в предвоенные годы преобладали лица трудоспособного возраста (83–84% среди прибывших и 88% среди выбывших), преимущественно от 18 до 35 лет. Дети до 15 лет составляли 12–13% прибывших и 7–8% выбывших, лица пожилого возраста – от 1 до 3% [РГАЭ. Ф-1562. Оп. 20. Д. 178. Л. 2–3 об.; там же, Д. 235. Л. 2–3 об.]. Преобладание мужчин среди мигрантов сохранялось, как среди прибывших, так и среди выбывших и варьировалось в пределах от 56 до 61% [РГАЭ. Ф-1562. Оп. 20. Д. 178. Л. 2–3 об.; там же, Д. 235. Л. 2–3 об.].

Политические миграции

К концу 1930-х гг. в СССР сложилась демографическая ситуация, являвшаяся следствием войн и революций 1920–1930-х гг., политики большевиков в деревне, репрессий и прочих причин. Непосредственное влияние оказывал постепенно набирающий бороты мировой конфликт, истощающий людские ресурсы страны. Как отмечает М.И. Мельтюхов: «Фрагментарность документации не позволяет полностью проследить динамику численности Красной Армии в 1939–1940 гг.» [Мельтюхов, 2008: 273]. В сентябре 1939 г. в 7 военных округах была развернута частичная мобилизация запаса, замаскированная под Большие учебные сборы (БУС). По данным исследователей А.Ю. Безугольного [2019], М.И. Мельтюхова [2008], в предвоенные годы было мобилизовано 2,6 млн чел. Кроме того, согласно закону «О всеобщей воинской обязанности» от 1 сентября 1939 г. был продлен срок службы на 1 год всех призывников 1937 года призыва. В итоге с января 1938 г. по 22 июня 1941 г. в процессе наращивания (в определенный период некоторого сокращения контингента) списочная численность Красной Армии утроилась. Ее наращивание осуществлялось за счет мобилизации мужчин трудоспособного возраста. Таким образом в ходе воинских мобилизаций несколько миллионов человек были перемещены по территории СССР.

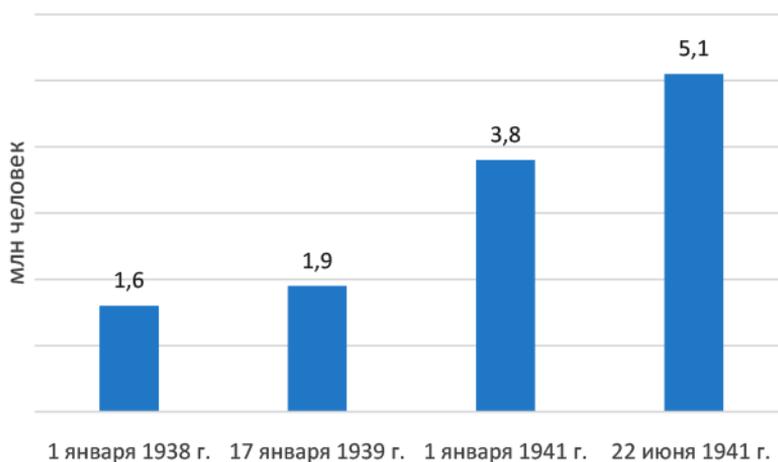

Рисунок 1. Динамика численности Красной Армии в 1938–1941 гг. *Источники:* [Безугольный, 2019: 262, Мельтюхов, 2008: 272–276].

Труд лиц, подвергшихся принудительным перемещениям, активно использовался в предвоенные годы. Вопрос о депортациях, как уже говорилось ранее, исследован достаточно полно, что облегчает нашу задачу и предоставляет возможность ограничиться краткой характеристикой этого вида миграций. В восточные районы СССР в предвоенные годы были переселены сотни тысяч советских граждан и спецконтингента с территории, оказавшейся зоной влияния СССР и вошедшей в его состав. О масштабах и географии принудительной миграции в 1939–1940 гг. подробно пишет П. Полян. Он же приводит цифру 380–390 тыс. депортированных из присоединенных западных областей СССР [Полян, 2001: 102]. По данным В.Н. Земскова [2005], на 1 января 1940 г. в СССР насчитывалось 997,5 тыс. трудоселенцев.

В 1939–1940 гг. осуществлялась депортация населения с бывшей территории Восточной Польши (февраль – июнь 1940 г.) и депортация «граждан инациональностей» из г. Мурманска и Мур-

манской области (июль 1940 г.). Депортации подлежали пленные офицеры и солдаты, жители пограничной полосы от г. Вильно до г. Львова, лесники, железнодорожники, чиновники, торговцы и прочие, объединенные в 3 категории спецпереселенцев: спецпереселенцы-«осадники», административно выселенные и спецпереселенцы-беженцы. Основная масса депортированных была перемещена в Новосибирскую, Свердловскую и Пермскую области. Депортированных направляли также в Красноярский край и Челябинскую область [Земсков, 2005: 40–41]. Таким образом, вместе с заключенными депортированные представляли собой заметный миграционный поток.

Укажем, что в предвоенные годы впервые был обозначен переход от социального принципа депортации (в начале 1930-х гг. среди переселенцев преобладали раскулаченные крестьяне) к этническому. В восточные районы страны перебрасывались поляки, финны, эстонцы, латыши, литовцы, и представители других национальностей [Земсков, 2005: 82–84]. В последующем этот принцип усилился и стал доминировать.

Экономические миграции

По данным Всесоюзной переписи населения 1939 г. в СССР насчитывалось 106,6 млн чел. экономически активного населения или 62,5%, лиц в трудоспособном возрасте – 94,2 млн чел. или 55,2%. В РСФСР на 109,4 млн жителей доля экономически активного населения и трудоспособного населения была ниже: 60,5% (66,2 млн чел.) и 53,1% (58,0 млн чел.) соответственно [Всесоюзная перепись населения 1939].

По оценкам советских статистиков, городское население СССР за счет миграции в 1939 г. увеличилось на 2,4% или на 1329,5 тыс. чел., сохранив общую тенденцию к снижению (1937 г. на 1812 тыс. чел. и 1938 г. на 1334 тыс. чел.) [РГАЭ. Ф-1562. Оп. 20. Д. 171. Л. 9].

Население городов пополнялось как за счет стихийной миграции, так и за счет плановых перемещений. В исследуемый период стремление властных органов взять территориальные перемещения населения под непосредственный (прямой) контроль стало очевидным. Советское правительство решительно боролось со стихийной миграцией, рассматривая ее как антагонизм плановой экономике. Юридическая и социальная база для преодоления стихийных миграций сложилась в Советском Союзе задолго до войны. Придавая особое не только экономическое, но и политическое значение обеспечению промышленных предприятий рабочей силой, И.В. Сталин в речи на совещании хозяйственников 23 июня 1931 г. поставил задачу «организованно набирать рабочую силу в порядке договоров с колхозами» [Сталин, 1951: 55]. Тем самым предпринималась попытка установить прямой контроль над набором рабочей силы. Логическим продолжением этого принципа было установление контроля и над территориальными перемещениями людей. Выполняя установку И.В. Сталина, ЦИК и СНК СССР 27 декабря 1932 г. приняли постановление «Об установлении единой паспортной системы по Союзу ССР и обязательной прописке паспортов» [Собрание законов..., 1932: 821–822]. С этого времени власти повели упорное наступление на право граждан свободно выбирать место жительства и работы. Поскольку крестьянам паспорта не выдавались, они были особенно сильно ущемлены в праве индивидуальной миграции.

С целью организованного обеспечения индустрии рабочей силой и ограничения потока голодающих крестьян в города, ЦИК и СНК СССР постановлением от 17 марта 1933 г. «О порядке отходничества из колхозов», разрешили колхозникам уходить в города только на основе зарегистрированного в правлении колхоза договора с хозорганами, в порядке так называемого «оргнабора» [Известия, 1933: 1]. Отныне жители села, стремившиеся вырваться из тисков коллективизации, должны были ехать туда, куда их направляли государственные органы. Не-

сомненно, де-факто эти решения повсеместно нарушались. Преобладающей формой набора рабочей силы для предприятий оставался самотек. В условиях острейшего дефицита рабочих рук кадровики находили десятки способов, чтобы принимать на работу крестьян, не имевших паспортов и прописки. Об этом говорит тот факт, что быстрее других росла численность населения тех городов, где прописка была особенно строго ограничена. Но решения 1932–1933 гг., стали своеобразным этапом накопления административного опыта и заложили основы мобилизационной стратегии, позже получившей гипертрофированное развитие.

В 1940 г. сфера свободного найма рабочей силы была значительно сужена. Основным юридическим ориентиром для кадровиков явился указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений» [Решения партии..., 1967: 757–758]. Отныне никто не имел права уволиться с работы без специального разрешения администрации. Результатом практического применения «разрешительного» принципа стало, по сути, прикрепление рабочих и служащих к предприятиям. Личные пожелания и интересы граждан монопольным работодателем – государством практически не принимались во внимание. Вскоре «разрешительный» принцип был распространен на аграрный сектор экономики: 17 июля 1940 г. последовал указ Президиума Верховного Совета СССР «О запрещении самовольного ухода с работы трактористов и комбайнеров, работающих в машинно-тракторных станциях» [Ведомости..., 1940: 1].

Немаловажную роль в становлении прямого контроля государства над территориальными перемещениями населения сыграл указ Президиума Верховного Совета СССР от 2 октября 1940 г. «О государственных трудовых резервах» [Решения партии..., 1967: 774–775]. Этим указом был закреплен мобилизационный подход к набору городской и сельской молодежи для обучения в ремесленных и железнодорожных училищах и школах фабрично-заводского обучения. Все лица, окончившие училища и школы ФЗО были обязаны отработать 4 года по направлению [Известия, 9 окт. 1940: 1]. В тот же день СНК СССР принял постановление «О призыве городской и сельской молодежи в РУ, ЖДУ и школы ФЗО» [Сомов, 2001: 28]. Серию законодательных актов мобилизационного характера завершил указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 октября 1940 г. «О порядке обязательного перевода инженеров, техников, мастеров, служащих с одних предприятий и учреждений в другие» [Решения партии..., 1967: 777–779]. Этим указом государство закрепляло за собой право переводить работников, без их согласия с одних предприятий или учреждений на другие. Отказчики считались самовольно ушедшими с предприятий или учреждений и предавались суду.

Значительный вклад в лишение советских людей какой-либо свободы территориальных перемещений (вне рамок плановых промышленных, сельскохозяйственных переселений и депортаций), а стало быть, и выбора места жительства сыграло постановление СНК СССР от 10 сентября 1940 г. «Об утверждении Положения о паспортах», которое прикрепило горожан к местам прописки, а колхозников к колхозам [Собрание постановлений..., 1940]. Постановление значительно ужесточило паспортный режим. Отныне нарушение правил прописки, особенно в городах, объявленных режимными, превратилось в уголовное преступление, каравшееся по статье 192 УК РСФСР.

Далее приведем анализ плановых перемещений населения, в том числе не учтенных ЦУНХУ СССР в формах статистического учета, что позволит более полно представить тенденции, масштабы, формы и направления миграции в СССР предвоенные годы.

Основная задача планирования определялась необходимостью выявления «резервов рабочей силы и обеспечения их наиболее рационального распределения и использования», в том числе путем территориального перераспределения [Коробков, 1939: 79].

Третий пятилетний план развития народного хозяйства СССР изначально предусматривал рост численности рабочих и служащих во всех отраслях народного хозяйства СССР на 21%. В первые годы его реализации ежегодный набор рабочей силы составлял около 800–850 тыс. чел., в последующие он предполагал ежегодный набор 1,5–2 млн чел. Рабочих в основном набирали из Центральной России (Курская, Орловская, Воронежская, Тамбовская области и иные) и Юго-Восточного района (Пензенская обл., Татарская АССР и иные) [Трубников, 1939: 152]. Районы, принимавшие рабочих (дефицитный баланс рабочей силы) условно можно разделить на две группы: «старые» крупные индустриальные районы (Московская, Ленинградская, Свердловская обл.) и слабо заселенные районы Северо-Запада РСФСР (Архангельская обл. и Карельская АССР), а также Восточная Сибирь и Дальний Восток.

Плановый порядок набора рабочих наркоматами должен был осуществляться в соответствии с зонированием территории, предусматривавший 4 зоны закрепления районов (табл.4).

Таблица 4. Зональное закрепление районов для набора рабочих

Зона	Районы ввоза	Районы вывоза	Отрасли народного хозяйства
I зона	Урал, Сибирь, Дальний Восток (Приморский, Хабаровский, Красноярский края, Читинская, Иркутская, Новосибирская, Омская, Свердловская, Молотовская, Челябинская области, Бурято-Монгольская и Якутская АССР, Среднеазиатские республики)	а) Кировская, Куйбышевская, Пензенская области, Мордовская, Чувашская, Башкирская и Татарская автономные республики б) Курская, Тамбовская области в) Краснодарский край, Сталинградская и Саратовская области	Без ограничений по отраслям Строительство (Приморский, Хабаровский край, Читинская обл.) Набор рабочих в рыбную промышленность
II зона	Север и Северо-Запад (Ленинградская, Архангельская, Мурманская области, Карельская АССР)	а) Вологодская, Калининская, Орловская, Смоленская области, Белорусская ССР б) Воронежская, Тамбовская, Рязанская, Курская области, Мордовская АССР	Без ограничений по отраслям Набор рабочих в торфяную промышленность
III зона	Юг (УССР, Закавказские республики, Крымская АССР, Ростовская обл.)	а) Курская, Воронежская, Полтавская, Сумская, Черниговская области, Белорусская ССР б) Татарская АССР	Без ограничений по отраслям Набор рабочих в угольную промышленность
IV зона	Центр (г. Москва, Московская обл., Тульская обл.)	а) Тамбовская, Рязанская, Пензенская, Орловская, Смоленская, Курская, Воронежская области б) Мордовская АССР	Без ограничений по отраслям Набор рабочих в торфяную промышленность

Источник: [Аристов, 1939: 96–97].

За наркоматами сохранялись закрепленные районы отходничества, но вывоз рабочих из них был возможен лишь на территорию той зоны, к которой прикреплена для завоза данная отходническая область, тем самым территориально ограничивалась миграция.

Существуют определенные трудности с выявлением статистических данных по набору рабочих (сохранялось неорганизованное отходничество; набор рабочих осуществлялся наркоматами). Эти обстоятельства затрудняют оценку масштабов набора рабочих в территориальном разрезе [Аристов, 1939: 92].

В 1939 г. в СССР по оргнабору было принято 2315 тыс. рабочих, в 1940 г. 2383 тыс. рабочих, из них 67% и 74% соответственно приходилось на РСФСР [Платунов, 1976: 148]. Однако планы набора рабочих полностью не выполнялись в силу ряда причин: задержка выдачи нарядов, нежелание отдавать рабочую силу (в первую очередь со стороны райисполкомов и руководства колхозов), недостаточная организация массово-разъяснительной работы (особенно при наборе сезонных рабочих), а также в силу стихийной миграции. Имели место также встречная перевозка рабочей силы, перевозки на дальние расстояния, которые рассматривались с точки зрения нерационального использования рабочей силы [Аристов, 1939: 96].

В качестве примера приведем сведения по Горьковской области. Межобластной набор в 1939 г. составлял 10 тыс. рабочих, внутриобластной 147,3 тыс. Прибыло на работы 93,1 тыс. чел. Рабочие направлялись в промышленность, строительство, выполняли погрузочно-разгрузочные работы и пр. (табл. 5).

Таблица 5. Распределение рабочих по видам выполняемых работ, 1939 г.

Вид работ	Набор рабочих	
	тыс. чел.	% выполнения плана
Строительные	12,0	46,1
Работы в промышленности	4,8	51,9
Погрузочно-разгрузочные	1,6	55,7
Торфозаготовки	9,0	76,5
Лесозаготовки и сплав древесины	65,4	68,0
Прочие виды	0,3	20,0

Источник: [Справка Горьковской комиссии..., 1968]

Кроме того, распоряжениями Комиссии по оргнабору рабочих обеспечивались рабгужилой (около 13 тыс. рабочих) Горьковская и Казанская железные дороги (уборка снега, ремонт железнодорожных путей), осуществлялись работы по судоходным рекам (дноуглубительные, изыскательные и иные) – 1,0 тыс. чел. и другие трудоемкие работы для местного значения (погрузка зерна, разработка каменных карьеров и пр.) [Справка Горьковской комиссии..., 1968: 446].

Однако по-прежнему в некоторых отраслях народного хозяйства СССР доля сезонных рабочих оставалась существенной (строительство, лесозаготовки, торфоразработки и иные) [Аристов, 1939: 89]. Например, только в зимний сезон 1940–1941 гг. на лесозаготовках работало свыше 1 млн чел. [Сонин, 1941: 68].

Замена сезонных рабочих постоянными квалифицированными кадрами планировалась в том числе за счет подготовки молодых рабочих в системе государственных трудовых резер-

вов, о создании которой нами говорилось выше. В ремесленные и железнодорожные училища принималась молодежь в возрасте 14–15 лет и обучалась 2–3 года (подготовка металлургов, химиков, горняков, бригадиров путей, машинистов и прочих). Школы фабрично-заводского обучения набирали несовершеннолетних от 16 до 17 лет для подготовки рабочих массовых профессий [Котляр, 1975: 14]. Предполагалось ежегодно призывать от 800 тыс. чел. до 1 млн городской и сельской молодежи. Председатели колхозов должны были ежегодно выделять в порядке мобилизации по 2 чел. молодежи мужского пола 14–15 лет в ремесленные и железнодорожные училища и 16–27 лет в школы фабрично-заводского обучения на каждые 100 членов колхозов. В городских поселениях Советы осуществляли набор в соответствии с ежегодным планом, утвержденным СНК СССР. В центральной прессе подробно освещалась кампания по набору молодежи в учреждения государственных трудовых резервов [Известия 10 нояб. 1940: 1; Известия 16 нояб. 1940: 3; Комсомольская правда 6 окт. 1940: 1; Комсомольская правда 11 окт. 1940: 1; Правда 15 нояб. 1940: 1; Труд 4 окт. 1940: 1; Труд 8 окт. 1940: 1; Труд 16 нояб. 1940: 1; Труд 24 нояб. 1940: 1; Труд 26 нояб. 1940: 1; Труд 29 нояб. 1940: 1; Труд 4 дек. 1940: 2].

В рамках первого призыва (период с 10 по 25 ноября 1940 г.) планировалось призвать 350 тыс. чел. в ремесленные и железнодорожные училища и 250 тыс. чел. в школы ФЗО [Трубников, 1940: 140]. С 1 февраля 1941 г. в 1562 заведениях системы трудовых резервов обучалось 604 тыс. чел., из них чуть более 300 тыс. сельская молодежь, направленная на обучение и дальнейшее трудоустройство в города и иные городские поселения [Котляр, 1975: 15].

1940 г. был самым масштабным в истории советских переселений, как довоенных, так и послевоенных [Пискунов, 2017: 169; РГАЭ. Ф-5675. Оп. 3. Д. 9. Л. 6]. При этом увеличилось не только количество переселяемых семей, но и районы выхода и вселения. В предвоенные годы в СССР осуществлялись следующие виды планового сельскохозяйственного переселения: межобластное и внутривнутриреспубликанское. Переселяли также в связи со строительством гидросооружений; переводом кочевых хозяйств на оседлость; изысканием, проектированием и освоением новых земель в районах БАМ; другими специальными заданиями правительства.

В 1939 г. планировалось переселить 9900 хозяйств, при этом не производилось переселение 4500 хозяйств красноармейцев [РГАЭ. Ф-5675. Оп. 3. Д. 1. Л. 1]. В итоге переселили 9666 хозяйств. Большинство переселенцев приняли Омская обл. (2517 хоз.), Красноярский край (1560 хоз.), Иркутская обл. (1904 хоз.), Хабаровский край (1716 хоз.) и 4770 глав семей (всего 54551 чел.) [РГАЭ. Ф-5675. Оп. 1. Д. 240. Л. 5; Платунов, 1976: 230].

В 1940 г. первоначально план переселения был определен в 49120 хозяйств: 35,4 тыс. межобластное, 13,7 тыс. внутривнутриреспубликанское и 0,7 тыс. перевод на оседлость [РГАЭ. Ф-5675. Оп. 3. Д. 9. Л. 3]. Решениями СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 21 апреля 1940 г. «О переселении в восточные районы СССР» и «О переселении в новые районы Карело-Финской ССР» от 28 мая 1940 г., а также по спецзаданиям правительства план переселения был значительно увеличен и предусматривал переселение 176825 хозяйств. В итоге было переселено 148705 хозяйств (84,1%), в том числе по межобластному переселению 116265 хоз., внутривнутриреспубликанскому – 18796 хоз., 7511 хоз. переселено из зоны затоплений, 366 хоз. в связи с переходом на оседлость, 5767 хоз. переселено в Измаильскую обл. [РГАЭ. Ф-5675. Оп. 3. Д. 9. Л. 3]. В среднем переселенческая семья состояла из 5 чел., из них 2–3 чел. – трудоспособного возраста [РГАЭ. Ф-5675. Оп. 3. Д. 9. Л. 16]. Кроме того, по специальному заданию правительства переселили в западные районы БССР 1871 хоз., УССР 11853 хоз., из Мурманской обл. 1731 хоз. (преимущественно в Карело-Финскую ССР), используя тем самым сельскохозяйственное переселение как способ освоения присоединенных территорий.

В отличие от 1939 г., когда переселение осуществлялось из 11 областей РСФСР и 8 областей УССР, в 1940 г. отбор переселенцев осуществлялся из 43 областей выхода, преимущественно РСФСР, а также УССР и БССР [РГАЭ. Ф-5675. Оп. 1. Д. 240. Л. 5; там же, Оп. 3. Д. 9. Л. 14–15]. Основными областями вселения были Восточная Сибирь и Дальний Восток – 83,1%, Карело-Финская ССР – 14%, иные районы – 2,9% [РГАЭ. Ф-5675. Оп. 3. Д. 9. Л. 5].

В восточных районах страны переселенцы вселялись преимущественно в те населенные пункты, где была более благоприятная ситуация с жилищным фондом. В Карело-Финской ССР ситуация была иной в силу необходимости освоения, присоединенной территории. Здесь вселение было более компактным: в одном районе размещалось около 2 тыс. хозяйств [РГАЭ. Ф-5675. Оп. 3. Д. 9. Л. 34].

Из числа 116265 хоз. (межобластное переселение) к началу 1941 г. закрепилось на месте вселения 92007 семей (79,1%), 20,9% выбыло или 24258 семей (11361 хоз. из них вернулось на прежнее место жительства) [РГАЭ. Ф-5675. Оп. 3. Д. 9. Л. 4]. Те переселенцы, которые оставались в районе вселения, но ушли из колхозов, трудоустроившись в совхозы, на предприятия, промыслы [РГАЭ. Ф-5675. Оп. 3. Д. 9. Л. 52].

В 1941 г. намечалось продолжить плановое переселение в восточные районы страны. В постановлении СНК СССР № 34 «О плане сельскохозяйственного переселения» от 6 января 1941 г. обозначена цифра в 206427 хозяйств, в том числе 170 тыс. по межобластному переселению и отправка 50 тыс. глав семей для проведения подготовительных работ в 1942 г. [РГАЭ. Ф-5675. Оп. 1. Д. 354. Л. 32]. Особенностью переселенческой кампании 1941 г. должно было стать массовое строительство новых домов для переселенцев [Платунов, 1976: 242–243]. Начавшаяся война не позволила реализовать имевшиеся планы переселения. 25 июня 1941 г. Переселенческое управление при СНК СССР приостановило дальнейший отбор переселенцев колхозников вплоть до особого распоряжения [РГАЭ. Ф-5675. Оп. 3. Д. 12. Л. 11].

Заключение

Итак, миграции населения СССР в предвоенные годы (1939–1940) носили разноплановый характер. Они являлись одним из компонентов численности населения СССР, которая в 1939–1940 гг. была подвержена значительным колебаниям. Крупные промышленные районы СССР (Московская обл., г. Москва, Ленинградская обл., г. Ленинград, Свердловская обл., Донецкий угольный бассейн), а также Сибирь и Дальний Восток являлись центрами притяжения мигрантов со всей страны и соседних областей. В остальных регионах преимущественное значение имела внутриобластная миграция.

Сложившийся к концу 1930-х гг. мобилизационный принцип привлечения населения к труду, а вместе с ним и система контроля над территориальными перемещениями населения, отвечали задачам социально-экономического развития государства в условиях плановой экономики. Организованные миграции (сельскохозяйственное переселение, организованный набор рабочей силы, обучение и дальнейшее трудоустройство учащихся системы государственных трудовых резервов) позволяли решать долгосрочные задачи в рамках плановой экономики. Вместе с тем сохранялись стихийные миграции, являвшиеся одним из источников пополнения кадров в отдельных отраслях народного хозяйства СССР (строительство, дорожные работы, лесозаготовки и другие).

Ситуация осложнялась набиравшим обороты мировым конфликтом. Часть перемещений в рамках воинских мобилизаций носили скрытый характер, сохранялась практика принуди-

тельных миграций. Желание государства взять под контроль миграции было продиктовано и внешнеполитическими причинами. Эти обстоятельства усиливали взаимосвязь всех видов миграции в предвоенный период.

Список литературы

- Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харьковская Т.Л. (1993) Население Советского Союза. 1922–1991 гг. М.: Наука. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/naselenie/naselenie_1922-1991.html
- Аристов Н. (1939) Организованный набор рабочей силы // Плановое хозяйство: (11): 89–99.
- Безугольный А.Ю. (2019) Опыт строительства Вооруженных Сил СССР: национальный аспект (1922–1945 гг.) / Дисс. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. М.
- Бугай Н.Ф. (1995) Л. Берия – И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...». М.: АИРО-XX.
- Вейцблит И. (1936) О некоторых недостатках учета механического движения населения в системе ЦУНХУ // План: (10): 24–25.
- Голотик С.И., Минаев В.В. (2004) Население и власть: Очерки демографической истории СССР 1930-х годов. М.: Изд-во Ипполитова.
- Жиромская В.Б., Исупов В.А., Корнилов Г.Е. (2019) Население России в 1939–1945 гг. // Российская история: (3): 3–17. <https://doi.org/10.31857/S086956870005112-4>
- Земсков В.Н. (2005) Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М.: Наука.
- Исупов В.А. (2009) Индивидуальные крестьянские переселения в города Западной Сибири (конец 1920-х – начало 1940-х гг.) / Миграционные процессы в азиатской России в XIX – начале XXI вв. Сб. науч. трудов / О.Б. Дашинамжилов, В.А. Исупов (ред.). Новосибирск: Изд-во Параллель. С. 66–93.
- Исупов В.А. (2016) К вопросу о типах миграций и их соотношении в годы Великой Отечественной войны // Гуманитарные науки в Сибири: 23(1): 5–10. <https://doi.org/10.15372/HSS20160102>
- Исупов В.А. (2020) Численность населения СССР в 1930-е гг.: загадки демографической истории // ЭКО: 50(2): 172–192. <https://doi.org/10.30680/ЕСО0131-7652-2020-2-172-192>
- Кожурин В.С. (1991) О численности населения СССР накануне Великой Отечественной войны (неизвестные документы) // Военно-исторический журнал: (2): 21–26.
- Коробков Н. (1939) Переселение – крупная государственная проблема // Плановое хозяйство: (9): 71–80.
- Котляр Э.С. (1975) Государственные трудовые резервы СССР в годы Великой Отечественной войны. М.: Высшая школа.
- Марианский А. (1969) Современные миграции населения. М.: Статистика.
- Мельтюхов М.И. (2008) Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу. 1939–1941 гг. Документы, факты, суждения. Изд-е 3. М.: Вече.
- Миграции населения Азиатской России: конец XIX – начало XXI вв. (2011) Новосибирск: Параллель.
- Моисеенко В.М. (2004) Внутренняя миграция населения. М.: Экономический факультет МГУ, ТЭИС.

- Население России в XX веке (2000). Т. 1. 1900–1939 гг.: исторические очерки / Отв. ред. Ю.А. Поляков. М.: РОССПЭН.
- Население России в XX веке (2002) Т. 2. 1940–1959 гг.: исторические очерки / Отв. ред. Ю.А. Поляков. М.: РОССПЭН.
- Переведенцев В.И. (1985) Методы изучения миграции населения. М.: Наука. URL : <http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/perevedencev/perevedencev.html>
- Пискунов С.А. (2017) Государственная политика сельскохозяйственного переселения и ее реализация на территории РСФСР (вторая половина 1940–1980-е гг.) / Дисс. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Тамбов.
- Платунов Н.И. (1976) Переселенческая политика Советского государства и ее осуществление в СССР (1917–июнь 1941 гг.). Томск: Изд-во Томского ун-та.
- Полян П. (2001) Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М.: Мемориал.
- Попов В.П. (1995) Паспортная система в СССР (1932–1977) // Социологические исследования: 8: 3–14.
- Рыбаковский Л.Л. (2017) История и теория миграции населения / Кн. 2. Миграция населения: явление, понятие, детерминанты. М.: Изд-во «Экон-Информ».
- Сомов В.А. (2001) По законам военного времени. Очерки истории трудовой политики СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского университета.
- Сонин М. (1941) Организованный набор рабочей силы для промышленности // Плановое хозяйство: (5): 66–74.
- Сталин И.В. (1951) Сочинения: в 13-ти томах. / Т. 13. М.: Гос. изд-во полит. лит.
- Тархов С.А. (2019) Основные пространственные закономерности эволюции сетки административно-территориального деления России за 300 лет // Псковский регионологический журнал: 4(40): 16–33. <https://doi.org/10.37490/S221979310010166-5>
- Трубников С. (1939) Источники комплектования рабочей силы в СССР // Проблемы экономики: (6): 145–159.
- Трубников С. (1940) Подготовка квалифицированных рабочих в промышленности СССР // Проблемы экономики: (11–12): 130–141.
- Nove A. (1969) Cyclical fluctuations under socialism. In: Bronfenbrenner M. (ed.) Is the Business Cycle Obsolete? New York – London – Sydney – Toronto, 287–302.

Другие источники информации

- Административно-территориальное деление союзных республик: изменения, происшедшие за время с 1/X 1938 г. по 1/III 1939 г. (1939) М.: Изд-во Ведомости Верховного Совета РСФСР.
- Ведомости Верховного Совета СССР (1940) 30 июля. № 25.
- Всесоюзная перепись населения 1939 года (1992) Основные итоги. СССР / Отв. ред. Ю.А. Поляков. М.: Наука.
- Всесоюзная перепись населения 1939 года (1999) Основные итоги. Россия / Отв. ред. Ю.А. Поляков. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр.

- Всесоюзная перепись населения СССР 1939 г. // URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_age_39.php?reg=0&gor=3&Submit=OK (дата обращения: 01.10.21).
- Демографический энциклопедический словарь (1985) / Гл. ред. Д.И. Валентей. М.: Советская энциклопедия.
- Известия (1933) 18 марта. № 75.
- Известия (1940) 9 октября. № 235.
- Известия (1940) 10 ноября. № 261.
- Известия (1940) 16 ноября. № 266.
- Комсомольская правда (1940) 6 октября. № 233.
- Комсомольская правда (1940) 11 октября. № 237.
- Машинописные копии статей, обзоров и программ статистического сборника «20 лет диктатуры пролетариата». 1939 г. / Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф-1562. Оп. 20. Д. 180. Л. 10.
- Постановление СНК СССР «Об утверждении положения о паспортах» от 10 сентября 1940 г. № 1667 // URL : <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=18272#08763499321978525>.
- Правда (1940) 15 ноября. № 317.
- РГАЭ. Ф-1562. Оп. 20. Дд. 171, 175, 176, 178, 180, 187, 195, 230, 235, 314.
- РГАЭ. Ф-1562. Оп. 329. Д. 391.
- РГАЭ. Ф-5675. Оп. 1. Дд. 240, 354.
- РГАЭ. Ф-5675. Оп. 3. Дд. 9, 12.
- Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967 гг.) (1967) Т. 2. 1929–1940 гг. / Сост. К.У. Черненко, М.С. Смиртюков. М.: Изд-во политической литературы.
- Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР, издаваемое Управлением делами Совета народных комиссаров Союза ССР и СТО (1932) Отд. 1. Ст. 516. М.: [б. и.], 821–22.
- Собрание постановлений и распоряжений Правительства Союза ССР (1940) № 24. Ст. 591. М.: Юридическая литература.
- Справка Горьковской комиссии по организованному набору рабочих о состоянии работы по оргнабору в 1939 г. (1968) История индустриализации Нижегородского – Горьковского края (1926–1941 гг.) / Под ред. Ф.Г. Евграфова, З.К. Звездина, В.П. Фадеева. Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 444–447.
- Труд (1940) 4 октября. № 231.
- Труд (1940) 8 октября. № 234.
- Труд (1940) 16 ноября. № 266.
- Труд (1940) 24 ноября. № 273.
- Труд (1940) 26 ноября. № 274.
- Труд (1940) 29 ноября. № 277.
- Труд (1940) 4 декабря. № 281.

Информация об авторах

- Исупов Владимир Анатольевич, доктор исторических наук, профессор, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина (ГАОУ ВО ЛО «ЛГУ им. А. С. Пушкина»). E-mail: vladimir_2004_@mail.ru
- Чернышева Наталья Викторовна, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН. E-mail: natiche84@mail.ru